
Казачество и конскрипция в 1860–1870-е гг.

Алексей Волвенко

Cossacks and konskription, 1860s–1870s

Alexey Volvenko

*(Taganrog Institute named after A.P. Chekhov
(Branch of the Rostov State University of Economics), Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870001564-8

15 января 1862 г., излагая во всеподданнейшем докладе концепцию будущих преобразований в армии, военный министр Д.А. Милютин в разделе, посвящённом иррегулярным войскам, писал о необходимости «уменьшения наряда казачьих частей на службу в мирное время до узаконенной нормальной соразмерности (т.е. трети всего состава)». Вместе с тем данное сокращение войск, объяснявшееся прежде всего финансовыми соображениями, предполагалось осуществить без ущерба для их боевых качеств, важность которых в случае «большой войны» не ставилась под сомнение¹.

Как известно, Александр II в целом одобрил милютинский доклад, в том числе и ту его часть, которая касалась казачества. Тогда же в отдельном комитете при Управлении иррегулярных войск² Военного министерства были подготовлены «Соображения о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках»³. В них рекомендовалось «ограничить численность военного сословия определённой нормой, с тем чтобы избыток казачьего населения был освобождён от обязательной службы... и, оставаясь в числе граждан своего края, мог свободно обратиться к другим занятиям». Кроме того, следовало предоставить всем желающим право свободного выхода из войска и сословия, разрешить продажу войсковой земли как неслужащим казакам, которые, соответственно, лишались паевого земельного довольствия и облагались податями, так и иногородним⁴.

При этом в «Соображениях» анализировались четыре действовавшие тогда системы несения казачьей службы – Донская, Кубанская (Черноморская), Терская (Кавказская линейная), Уральская – и отмечалось, что каждая из них может быть приспособлена к новым требованиям Военного министерства. Вместе с тем рассматривались и другие формы отбывания воинской повинности. Так, прусский опыт предполагал отбывание обязательной службы всем мужским населением и образование нескольких разрядов ландвера для тех, кто, отслужив, зачислялся в запас, но оставался военнообязанным. Этот порядок признавался весьма похожим на существовавший в казачьих войсках. Однако

© 2018 г. А.А. Волвенко

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-01-50018.

¹ Столетие Военного министерства 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России. Т. 1. СПб., 1902. Приложения. С. 167–171. По сведениям Военного министерства, содержание казачьих частей в мирное время стоило государству 8–9,5 млн руб. ежегодно.

² Управление иррегулярных войск, организованное в 1857 г., в 1867 г. было переименовано в Главное управление иррегулярных войск, а в 1879 г. – в Главное управление казачьих войск.

³ ОР РГБ, ф. 169, к. 23, д. 20.

⁴ Там же, л. 1–4.

более предпочтительным, по мнению авторов «Соображений», являлась конскрипция — установление постоянной нормы новобранцев (конскриптов), которые ежегодно набирались по жребию из числа молодых людей, достигших призывного возраста, как это делалось во Франции. Те, кто, пройдя жеребьёвку, не подлежал призыву под знамёна, навсегда освобождались от несения воинской повинности, а призванные имели право выставлять вместо себя «охотников», т.е. тех, кто добровольно соглашался заменить их и соответствовал армейским требованиям. Как отмечалось в «Соображениях», это позволяло казакам «избрать род жизни сообразно своим способностям и наклонностям» и гарантировало, что «в казачьих войсках не будут образовываться ни наследственные сословия, ни особая военная каста». Но тут же признавалось, что «местные комитеты вернее могут судить, какая система более удобна для каждого казачьего войска»⁵. Эти «комитеты» были созданы ещё в 1860 г. для кодификации действующих законов и положений, но после назначения министром Милютина их задачи и компетенция заметно расширились. Им предстояло рассмотреть и разосланные в середине 1862 г. «Соображения».

Обсуждение «Соображений» в разных войсках протекало с разной степенью открытости и интенсивности. Если, к примеру, на Дону они вызвали резкое неприятие (в том числе и у наказного атамана гр. П.Х. Граббе) и по сути были проигнорированы⁶, то в Оренбурге их, напротив, полностью поддержали. Характеризуя окружавшие его настроения, начальник артиллерии Оренбургского края И.П. Лобысевич ещё в 1861 г. писал: «Надо отдать полную справедливость оренбургскому обществу, что оно глубоко проникнуто идеей эмансипации и совершенно чуждо сословных подразделений»⁷.

В состав местного комитета, формально возглавлявшегося генерал-губернатором А.П. Безаком, входил наказной атаман Оренбургского казачьего войска гр. И.А. Толстой, а также члены войскового правления, среди которых выделялся своим профессионализмом чиновник для особых поручений П.Г. Чернев (впоследствии помощник начальника Главного управления иррегулярных войск). По словам Чернева, происходившего из коренных оренбургских казаков, «комитет старался дать как можно более гласности своим действиям... при неимении местной газеты». Для этого повсюду рассылались приглашения с просьбой сообщать комитету замечания, касающиеся существующих законов и правил, и «таким образом, в разработке предположений... принимало в некоторой мере участие почти всё войско». Для обсуждения же вопроса о порядке комплектования строевых частей в комитет были вызваны «опытные по службе и хозяйству штаб и обер-офицеры, которые среди казаков живут». В итоге после прений большинством голосов была избрана «жеребьевая система как более правильная и сообразная с положением войска»⁸.

Высказавшись за отмену принципа поголовного несения казаками воинской повинности, комитет полагал, что для поддержания штатной численности строевых частей необходимо 24 тыс. человек, а поскольку на службе тогда находилось 34 тыс. казаков, то 10 тыс. из них следовало отправить в отставку «без спроса желания, обложив за каждый не дослуженный год платой по 7 руб. в пользу войска». Новый набор планировалось осуществлять ежегодно из достигших 19-летнего возраста, причём те, кто по жребию навсегда освобождал

⁵ Там же, л. 4 об.—7.

⁶ Волвенко А.А. Донские атаманы эпохи «Великих реформ» (1860–1870-е гг.) // Русская старина. 2017. № 8(1). С. 39.

⁷ Лобысевич И.П. Оренбург // Военный сборник. 1861. № 1. С. 215.

⁸ РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 21, л. 86–88. Краткую характеристику проекта оренбургского комитета см.: Годовова Е.В. Реформаторская политика Оренбургских губернаторов в отношении Оренбургского казачьего войска (1798–1865 гг.) // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 3(69). С. 64.

ся от воинской повинности, получали, как и служащие, положенный надел в 30 десятин, но платили за него по 10 коп. за десятину в год и наравне с государственными крестьянами облагались казёнными, войсковыми и общественными податями и сборами⁹. Одновременно комитет проектировал сократить численность оренбургских казаков со 108 до 75 тыс., «предоставив излишку населения свободный выход из войскового сословия»¹⁰. При этом, согласно проекту, все вышедшие из казачьей общины лишались прав на земельный надел и пользование «выгодами» в станичных юртовых владениях, хотя и могли продолжать проживать в станицах как представители «посторонних сословий», арендовать или приобретать землю в собственность, но с «отбыванием всех государственных и земских повинностей денежных и натуральных, не исключая и рекрутских»¹¹.

По-видимому, проект составлялся в комитете с учётом позиции Безака, если не под его непосредственным влиянием. «Оренбургское казачье войско, — отмечал генерал-губернатор в отчёте за 1862 г., — создано путём историческим и силою правительственных распоряжений. Существование его в финансовом отношении убыточно для казны¹²; в военном оно не отвечает ожиданиям правительства, потому что оренбургские казаки только по имени казаки, в действительности же они — простые поселяне, не имеют решительно воинского духа и большей частью с отвращением смотрят на всё относящееся к воинской службе как отвлекающее их от домашних занятий. Тем не менее они не против казачества, а скорее за него по причине лёгкости службы, огромного поземельного надела, изъятия от рекрутства и всяких податей. Чтобы выйти из такого невыгодного положения, в каком находится ныне Оренбургский край... представляется два средства: или обратить Оренбургское казачье войско в податное состояние, или образовать из зауральских уездов новую губернию под ведением военного губернатора, который заведовал бы и оренбургскими казаками. В этом последнем случае казаки, управляясь общим для губернии учреждением, мало-помалу сольются и сблизятся с гражданским населением и постепенно подготовятся к обращению в податное сословие»¹³.

⁹ РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 21, л. 28–31 об. В число денежных повинностей казака, освобождённого от обязательной службы, входили войсковая подесятинная поземельная пошлина (3 руб.), государственная подушная подать (1 руб.), повинности государственные (1 руб. 18 коп.), губернские (13 коп.), а также общий сбор $56\frac{3}{4}$ коп. Всего они составляли 5 руб. $87\frac{3}{4}$ коп. в год.

¹⁰ Там же, л. 29 об. По данным А.И. Кортунова, численность оренбургского казачества увеличилась в 1800–1850 гг. почти в 8 раз — с 21,3 до 166,6 тыс. человек (*Кортунов А.И.* Численность и национальный состав Оренбургского казачьего войска в XVIII–XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2004. С. 158). Новыми казаками становились, как правило, отставные солдаты, казённые крестьяне, татары, башкиры, мешеряки, калмыки и др.

¹¹ РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 21, л. 33 об.–34.

¹² В небольшой публикации в журнале «Экономист» в начале 1862 г. утверждалось, что «государство употребляет ежегодно на пособие оренбургскому казачьему войску более полумиллиона рублей серебром. Не получая с казаков подати подушной, государство теряет около 106 тыс. рублей; не получая подати оброчной — за надел землёю, государство лишается, по размеру, узаконенному для оренбургской губернии, около 800 тыс. рублей. Следовательно, содержание оренбургского казачьего войска стоит государству более 1 400 000 руб. серебром. Ежегодно, не принимая даже в расчёт 3-х миллионов десятин свободной за наделом земли, которая, оставаясь непродушной, составляет мёртвый капитал, недоступный для частной предприимчивости. При самой низкой цене эта земля стоит не менее 20–30 млн руб.; приносит же доход войску в виде оброчных статей с небольшим 800 тыс. руб. в год. Как ни велики эти жертвы, но они ничтожны сравнительно с вредом, в промышленном отношении, парализующим материальные силы народа» (Механическое заведение и промышленность в Оренбурге // *Экономист.* 1862. Кн. 1–3. Январь. С. 5–9). В том же году данная статья была перепечатана в № 18 «Оренбургских губернских ведомостей». Критический разбор статьи см.: *Оренбургский казак.* Правда об Оренбургском казачьем войске // *Военный сборник.* 1862. № 9. С. 103–122.

¹³ Отчёты губернаторов Оренбургской губернии. Сборник документов. Оренбург, 2016. С. 255.

В начале 1863 г. проект оренбургского комитета вместе с особым мнением генерал-губернатора поступил в Военное министерство. Замечания Безака не носили принципиального характера. В целом он отметил, что «казачья община в сфере гражданского населения в том виде, как она предполагается комитетом, была бы только переходною формой устройства Оренбургского войска к гражданскому быту, к которому оно, как не принадлежащее к родовому казачеству, а созданное правительством искусственно, может быть без больших затруднений направлено». Вместе с тем применение конскрипционной системы казалось ему целесообразным не только в Оренбурге, но и «на отдельных пределах государства, соседственных с неблагоустроенными народами». В специальном докладе Управления иррегулярных войск о деятельности оренбургского комитета констатировалось, что «проект в экономическом отношении... представляет все выгоды и находится в «тесной связи с другим проектом Безака, в котором предполагается разделить Оренбургскую губернию на 2 части: собственно Оренбургскую и Уфимскую»¹⁴.

Внимательно ознакомившись с этими документами, Милютин усмотрел главный недостаток проекта в «требовании новых обязанностей от населения без соответственного уменьшения нынешних», в частности в желании обложить исключаемых из войска казаков налогами и привлечь их к исполнению рекрутской повинности. В связи с этим, полагал министр, «можно опасаться, что войско не найдёт такую перемену выгодною для себя и встретит это преобразование с неудовольствием... а в отношении к этой вооружённой части населения более всего надобно наблюдать осторожность»¹⁵. Милютин выступил против введения какой-либо «переходной формы устройства»: «Это соображение должно быть устранено, — решительно заявлял он, возражая против соответствующих замечаний Безака. — Будущность отдалённая нам неизвестна; теперь уже устраивая заново войско, мы должны иметь в виду все условия войска, как будто оно должно было бы навсегда оставаться войском. Если же казаки будут знать, что настоящий военный их быт есть только временное состояние, то они, конечно, не будут хорошими казаками». Кроме того, глава военного ведомства указал на необходимость при определении численности служилых казаков «принять за основание всего расчёта уменьшенный срок службы, который должен быть одинаков с тем сроком, какой будет установлен в войске Донском»¹⁶.

Вместе с тем переработку проекта и введение конскрипционной системы в Оренбургском войске было решено отложить до окончания задуманного Безаком преобразования края — исключения из состава генерал-губернаторства Самарской губ. и разделения оставшейся территории на Уфимскую и Оренбургскую губернии с передачей в 1865 г. гражданского управления от казачьих властей в общие губернские учреждения¹⁷. Казачьи полки тем временем активно участвовали в подавлении польского восстания 1863 г. Однако на смотре в Петербурге, по пути в Северо-Западный край, они, по свидетельству военного министра, «произвели впечатление не совсем выгодное: жалкие лошадёнки, люди почти не обучены, плохо одеты». Как вспоминал Дмитрий Алексеевич, «смотр эти выказали наглядно упадок строевого состояния донских и оренбургских казаков» и «в особенности прискорбно было видеть плохое их вооружение»¹⁸. В условиях, когда сохранялась угроза начала большой европейской

¹⁴ РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 21, л. 37–37 об.

¹⁵ Там же, л. 39 об.–40.

¹⁶ Там же, л. 46–46 об. 8 сентября 1863 г. полевая служба донских казаков была сокращена с 25 до 15 лет, а внутренняя — с 12 до 7 лет (ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 2. СПб., 1866. С. 12–13).

¹⁷ *Абрамовский А.П., Кобзов В.С.* Управление и воинская повинность Оренбургского казачества во II пол. XIX — нач. XX вв. Челябинск, 1997. С. 5.

¹⁸ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 376.

войны, всё это вызывало тревогу. Считались в Военном министерстве и с тем, что не все казачьи кодификационные комитеты успели закончить работу в установленный срок, а на Дону реформаторские планы вызвали острую критику со стороны «казакоманов», которая, в свою очередь, породила слухи о донском сепаратизме¹⁹ и привлекла пристальное внимание жандармов и руководства III отделения Собственной е.и.в. канцелярии²⁰. В этой обстановке нельзя уже было ожидать от депутатов донского комитета создания некоего образца для других войск, который корректировался бы затем в соответствии с их спецификой, как это делалось в 1840-х – начале 1860-х гг. на основе «Положения об управлении Донского войска» 1835 г.

В начале 1865 г. переведённого в Киев Безака сменил в Оренбурге его племянник – генерал от кавалерии Н.А. Крыжановский. Как говорилось в его отчёте за первый год управления краем (с февраля 1865 г. по март 1866 г.), новый генерал-губернатор «строго руководствовался монаршими повелениями... чтобы при передаче казаков в гражданское управление, с одной стороны, не препятствовать естественному их объединению с бытом и правами общих всей империи сословий, а с другой – не уничтожая, а напротив того, укрепляя в них способность быть храбрыми воинами, не заставить правительство заменять казачье войско регулярными полками»²¹. Действительно, на полях одного из отчётов Безака, в котором предлагалось обратить оренбургских казаков в податное сословие, Александр II написал: «В этом я не вижу никакой выгоды, ибо свободных регулярных войск у нас нет и придётся формировать новые, на что я решительно не согласен». Правда, в том же докладе Безаку разрешалось передать в правительственные инстанции соответствующий проект, но с непременным условием, касавшимся казачьих земель: «Можно, если не нужно будет занять их регулярными войсками». Впрочем, и Крыжановский исходил из того, что «передача гражданского управления оренбургских казаков в общие губернские учреждения составляет только начало полного преобразования оренбургского казачества в общее свободное сельское сословие». Но поскольку признавалось, что проведение в крае рекрутских наборов «не выгодно для правительства как в экономическом, так и в политическом отношениях», Крыжановский в специальном дополнении к доработанному проекту предлагал военному министру «сколь можно менее изменять основные правила отбывания службы казаками, но только... удлинить срок действительной службы, и наряд на службу производить конскрипцией и наймом»²².

К этому времени в Управлении иррегулярных войск, проанализировав поступившие материалы, окончательно убедились в том, что местные казачьи комитеты не справились с поставленной перед ними задачей. Наиболее жёсткой критике со стороны как Военного министерства, так и других ведомств под-

¹⁹ В 1864 г. на страницах катковского «Русского вестника» была опубликована статья полковника П.А. Кузьмина «Об условиях владения землями в Войске Донском». Её содержание возмутило часть казачьего общества и вызвало переписку между наказным атаманом и военным министром. В одном из писем (ОР РГБ, ф. 169, к. 62, д. 33, л. 1–1 об.) гр. Граббе настаивал на удалении с Дона Кузьмина, позволившего себе заподозрить казаков в сепаратизме и, говоря о местных дворянах, поставившего «оскорбительный» вопрос о том, «почему же не освобождены они от обязательной службы, весьма близкой к крепостному состоянию, от которого избавлены и крестьяне» (*Кузьмин П.А. Об условиях владения землями в войске Донском // Русский вестник. 1864. № 49, 50 (цитата – № 50. С. 254)*). Подробнее см.: *Волвенко А.А. Казакоманство. Донской случай (1860-е гг.) // Русская старина. 2015. № 1(13). С. 19–37.*

²⁰ ОР РГБ, ф. 169, к. 62, д. 32, л. 29–32. Летом 1863 г. в Новочеркасске получили сведения о возможном появлении «возмутительных прокламаций и агентов враждебных России партий», а также предписание «наблюдать за прибывающими лицами, в особенности иностранного происхождения» (Государственный архив Ростовской области, ф. 46, оп. 1, д. 682, л. 5–5 об.).

²¹ Отчёты губернаторов Оренбургской губернии... С. 314.

²² РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 21, л. 106–106 об.

верглись пожелания донской элиты: «Новочеркасский комитет, — вспоминал Милютин, — представил проект, проникнутый духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве. Такой проект очевидно показал, что вести столь важное дело на местах в среде самого казачества было невозможно без общего руководства центральной власти»²³.

В октябре 1865 г. в Петербурге при Управлении иррегулярных войск был открыт Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений (точнее, организована его канцелярия). Однако рассмотрение инициатив Крыжановского в министерстве могло затянуться, прежде всего из-за намеченного им увеличения срока казачьей службы: генерал-губернатор планировал довести его до 17 лет, включая 8 лет в строевых частях. Милютину вновь пришлось писать о недопустимости изменения сроков службы, установленных в Донском войске, и их распространении в ближайшем будущем на другие войска. В первой половине лета 1866 г. начальник Управления иррегулярных войск Н.И. Карлгоф всё же убедил генерал-губернатора согласиться с мнением министерства²⁴. Тогда же было решено по просьбе Крыжановского ускорить введение конскрипционной системы в Оренбургском войске, «не ожидая разработки новых положений для прочих казачьих войск», и вызвать Черневу для корректировки местных предложений в столице и сокращения переписки²⁵. Уже к началу 1867 г. в проект были внесены все необходимые изменения. Согласно сделанным тогда же расчётам, «исходя из установленной нормы численности войска, из вступающих ежегодно в 19-летний возраст 2 тыс. малолетков... могут быть освобождены от службы только 15%, это около 300 человек. В 22-летний период число освобождённых, если даже положить по 300 чел[овек] ежегодно, дошло бы до 6 600 чел[овек], но если взять 2% прирост в год, оно будет, по меньшей мере, вдвое больше». Как отмечал Карлгоф, «население Оренбургского казачьего войска слишком велико для исполнения тех служебных обязанностей, которые на него возложены»²⁶. При этом в возглавляемом им Управлении ещё в июне 1866 г. полагали, что конскрипционная система, «совершенно изменяя существующий в казачьих войсках порядок наряда казаков на службу, может быть введена едва ли не в одном Оренбургском войске, как вследствие произведённых в нём преобразований, которым могут не подвергнуться другие войска, так и потому, что Оренбургское войско, образованное в недавнее время искусственным путём... скорее и легче других казачьих войск способно слиться с прочим сельским населением»²⁷.

В начале 1865 г., желая разобраться «в тратах правительства на содержание казачьих войск сравнительно с регулярными», в Управлении поручили сделать такой расчёт для Оренбургского войска чиновнику для особых поручений при Карлгофе Н.И. Краснову, известному своими статистическими исследованиями положения на Дону²⁸. 9 января 1867 г. в докладе, посвящённом проекту

²³ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865—1867. М., 2005. С. 184—185.

²⁴ РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 44, л. 15, 38 об.—41 об.

²⁵ Там же, л. 31.

²⁶ Там же, д. 21, л. 137 об.—138.

²⁷ Там же, д. 44, л. 31 об.—32.

²⁸ Там же, оп. 10, д. 290, л. 114. Подробнее о его деятельности см.: *Перетьяко А.Ю.* Н.И. Краснов и его «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» // Русский архив. 2016. № 4(14). С. 301—320; *Перетьяко А.Ю.* О значении «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» Н.И. Краснова в творчестве автора и общественно-политической жизни Дона 1860 гг. // История и историки в контексте времени. 2017. № 1(15). С. 4—22.

Крыжановского, Карлгоф упомянул и о записке Краснова, вероятно, уже представленной Милютину, и об «огромных потерях», которые, по мнению её автора, государство несло от казачьих частей²⁹. Со своей стороны, Карлгоф был убеждён в «несвоевременности» упразднения оренбургского казачества из-за «неблагоприятного впечатления, которое оно произвело бы на прочие казачьи войска», и заботился лишь о том, чтобы «по возможности уменьшить невыгоды для государства от настоящего положения Оренбургского войска, при котором оно, пользуясь большими льготами и привилегиями, отслуживает их весьма недостаточно и, не принося государственной казне никаких доходов, само требует от неё значительных пособий на содержание своей администрации, при чём и выставляет войско не довольно удовлетворительного качества»³⁰. Собственно конскрипция и рассматривалась прежде всего как средство сокращения издержек.

В марте 1867 г. Милютин одобрил переработанный проект Крыжановского, внеся в него небольшие уточнения. После этого его быстро провели через законодательные инстанции и уже 1 июля Александр II утвердил «Положение о военном составе Оренбургского казачьего войска, сроках службы строевых частей и о способах их комплектования»³¹. В нём, в частности, регулировался порядок зачисления «малолетков» в казаки и отчисления в отставку «излишних», определялись повинности тех, кто освобождался жребием от обязательной службы, и проч. Термин «конскрипция» при этом не употреблялся, но сам её принцип реализовывался через систему жеребьёвки³². «Общий военный состав, — говорилось в “Положении”, — сообразно современным потребностей, назначается по числу трёх смен в 27 000 нижних чинов, коих, как определённую норму, войско имеет всегда в полном комплекте» (ст. 2). Из них комплектовались 9 пеших батальонов, 15 конных полков и конно-артиллерийская бригада из трёх батарей (ст. 3). Треть их находилась «на постоянной службе» (ст. 4–6), сменяясь через 2,5 года, но за каждым казаком сохранялось право отслужить свою очередь за один раз (ст. 7). Общий срок «полевой службы» составлял 15 лет (ст. 49–50). Согласно ст. 8, «по избытку войскового народонаселения противу действительной потребности для содержания определённого нормою числа служащих чинов, комплектование военного состава производится жеребьёвым порядком из всего принадлежащего к войсковому сословию населения». Жеребьёвке подлежали «все дети мужского пола, не имеющие особых прав по происхождению». Лица, освобождённые после неё от обязательной службы, оставались в войске в качестве «войсковых граждан» и обязаны были платить «денежный сбор по 4 рубля в год в войсковые доходы» (по представлению местных властей и с разрешения Военного совета его размер мог меняться) (ст. 52–53). За ними сохранялось, наравне с казаками, право на пользование земельным наделом. Войсковые граждане и их дети как участвующие в жеребьёвке освобождались от рекрутского набора, но несли «совместно с прочими поселянами» все войсковые, земские и станичные повинности, как натуральные, так и денежные (ст. 54–57). Кроме того, с них взимался особый сбор (56^{3/4} коп. в год) «в общественные станичные суммы» (ст. 55)³³.

²⁹ РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 21, л. 139.

³⁰ Там же, л. 140.

³¹ Там же, л. 133–134.

³² Первоначально в проекте оренбургского комитета «норма» составляла 24 тыс. нижних чинов, её увеличение объяснялось сокращением сроков службы. Впрочем, вскоре выяснилось, что «расчёты численности войскового населения были слишком преувеличены» и войско оказалось не в силах содержать в постоянной готовности 27 тыс. человек, тем более при увеличении количества конных частей» (Столетие Военного министерства... Т. 11. Ч. 3. СПб., 1907. С. 355).

³³ ПСЗ-II. Т. 47. СПб., 1871. № 44787. С. 1113–1118.

Вопреки изначальному скепсису Управления иррегулярных войск, принципы, заложенные в Оренбургском положении 1867 г., всё же удалось применить и в других казачьих войсках. Большинство их депутатов, прибывших в столицу в ноябре 1866 г. для участия в работе Временного комитета, по свидетельству Карлгофа, в первые же дни продемонстрировали готовность на «широкие уступки для уничтожения казачьей замкнутости»³⁴. В начале 1867 г. Управление внесло на рассмотрение Временного комитета проект Оренбургского положения. Одновременно отдельной группой депутатов был подготовлен проект общего для всех казачьих войск закона о воинской повинности на основе конскрипции. После заседания Карлгоф сообщил Милютину, что большинство депутатов, за исключением донских и уральских, высказались за оренбургскую систему³⁵. Представители Дона продолжали настаивать на том, что при изменении существующего порядка «все выгоды будут на стороне освобождённых от военной повинности войсковых граждан, в ущерб их собратий, обречённых на постоянную военную службу». Кроме того, они были уверены в том, что жеребьевая система, приближая казаков «к общему податному сословию империи, может быть состоянием только временным, переходным и с самого введения её в действие разделит казачье население на два враждебных лагеря»³⁶. Как утверждал Карлгоф, упорствовали они из «опасения подвергнуться негодованию своих войсковых обывателей»³⁷. Уральские депутаты на заседании «вообще отмалчивались», поскольку, как полагал Карлгоф, в случае реализации оренбургского проекта на Урале «перевернётся вверх дном весь общественный порядок»³⁸. Объяснялось это тем, что в Уральском войске, с его глубокими старообрядческими традициями, издавна существовала оригинальная система комплектования, основанная на принципе «наёмки»³⁹. И даже не отмена, а только вписывание «наёмки» в новый порядок службы согласно «Положению о воинской повинности Уральского казачьего войска» вызвало в 1874 г. среди уральцев волнения⁴⁰.

В мае 1867 г. подготовленный депутатами Временного комитета проект был разослан в казачьи войска для обсуждения и редакционных поправок, учитывающих местную специфику⁴¹. Вскоре последовало введение новых положений о воинской повинности в Кубанском и Терском (1870), Сибирском (1871), Астраханском и Забайкальском казачьих войсках (1872)⁴². От Оренбургского «образца» они отличались численностью военного состава, размером денежных повинностей освобождаемых от службы казаков, сроками выплаты и т.п., а также используемой терминологией. В частности, название «войсковые граждане» было заменено выражением «неслужилые казаки».

Однако действовали эти положения недолго. В 1874–1875 гг. появились «Положение о военной службе Донского войска» и «Устав о воинской повинности Донского казачьего войска»⁴³. В уставе, утверждённом 17 апреля 1875 г.,

³⁴ ОР РГБ, ф. 169, к. 23, д. 19, л. 9–12 об.

³⁵ Там же, л. 15–16 об.

³⁶ Столетие Военного министерства... Т. 11. Ч. 1. СПб., 1902. С. 471–472.

³⁷ ОР РГБ, ф. 169, к. 23, д. 19, л. 16 об.

³⁸ Там же, л. 15 об.

³⁹ Подробнее см.: В.Д. Наёмка, способ отбывания служебной повинности уральскими казаками // Военный сборник. 1865. № 2. С. 307–350.

⁴⁰ Кольчев С.В. Предпосылки волнений в Уральском казачьем войске в 1874 году // Телескоп. Научный альманах. Вып. 11. Самара, 2005. С. 54–61.

⁴¹ Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое 25-летие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880 гг.). Т. 3. СПб., 1879. С. 250.

⁴² ПСЗ-II. Т. 45. Отд. 2. СПб., 1874. № 48607. С. 148–159; Т. 46. Отд. 2. СПб., 1874. № 49995. С. 343–348; Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50706. С. 430–436, № 50822. С. 603–611.

⁴³ ПСЗ-II. Т. 49. СПб., 1876. № 53943. С. 283–298; Т. 50. Отд. 1. СПб., 1877. № 54588. С. 397–405.

провозглашалось, что «мужское население Донского казачьего войска как издавна призванное всецело к священной обязанности защищать престол и отечество подлежит, без различия состояний, воинской повинности» (ст. 1), причём «денежный выкуп... и замена охотником не допускается» (ст. 2). Вместе с тем предусматривалось, что «казаки строевого разряда состоят на действительной службе или на льготе» (ст. 10), в зависимости от номера казака в «очередном списке» станицы (чем фактически заменялась жеребьёвка)⁴⁴ и размера ежегодного набора, определяемого военным министром (ст. 68–77).

Уже в 1876 г. донской устав с небольшими изменениями был распространён на Оренбургское войско, в 1877 г. его адаптировали для Забайкалья, в 1880–1881 гг. ввели в Сибири и Астрахани. На Кубани и на Тереке зачисление в неслужилые казаки прекратилось в 1876 г., а новое положение о военной службе последовало в 1882 г. Таким образом, жеребьёвка в регионах проводилась не более девяти лет (дольше всего – в Оренбургском, Сибирском и Астраханском войсках). По данным М.П. Хорошхина, к началу 1880 г. в Кубанском войске неслужилых числилось 17 990 человек (34% от всех казаков полевого разряда), в Терском – 1 766 (13%), в Астраханском – 812 (28%), в Оренбургском – 2 117 (7%), в Сибирском – 2 403 (23%), в Забайкальском – 4 935 человек (29%)⁴⁵.

Основная масса казачества без сопротивления приняла как новый порядок службы, так и его отмену. По крайней мере, каких-либо экстраординарных проявлений недовольства зафиксировано не было. Принципиальное неприятие конскрипция вызывала лишь на Дону. Однако весьма характерна и её критика в статье сибирского казачьего офицера А.П. Нестерова, написанной в 1874 г. и опубликованной в 1876 г. под псевдонимом «Седьминец»⁴⁶. По словам Нестерова, «эта система – есть вопиющая несправедливость» и является «главнейшим ударом» по местному казачеству, хотя он и «не знает, как относятся к ней другие казачьи войска». Особое недовольство у него вызывало законное освобождение от службы и зачисление в категорию войсковых граждан молодых казаков, получивших образование в средних и высших учебных заведениях, имеющих торговые или промысловые свидетельства, а также нанимающих вместо себя «охотников», чем пользовались исключительно «дети казачьих чиновников и богачей». Между тем дополнительные денежные взносы и повинности для них несущественны и «имеют вид косвенного налога в пользу чиновников с беднейшего населения, на которое переносится вся тяжесть 22-х летней службы, отбываемой на собственный счёт, стоимость которой за это время далеко превышает 10-рублёвый взнос с богатых, переносимый впоследствии и этот взнос на бедных, в виде надбавки на товар и другие продукты, покупаемые последними у тех же богатых людей»⁴⁷.

Любопытно, что критические замечания Нестерова весьма близки к тому, о чём писал в 1873 г. на страницах ведомственного журнала «Военный сборник» уральский казачий офицер Хорошхин⁴⁸, в конце 1860-х гг. служивший в Оренбургском военном округе, а в 1870 г. получивший назначение в Главный штаб (в 1881 г. он занял должность начальника отдела Главного управления казачьих войск). По мнению Хорошхина, оценка убытков служилого казака была «сделана несколько низко», тогда как они заметно превышают размер денежных повинностей тех, кто освобождался от службы. «Если мы положим

⁴⁴ ПСЗ-П. Т. 50. Отд. 1. № 54588.

⁴⁵ Хорошхин М.П. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. С. 295.

⁴⁶ Седьминец. Реформы в Сибирском казачьем войске // Сборник газеты «Сибирь». Т. 1. СПб., 1876. С. 335–368.

⁴⁷ Там же. С. 341–342.

⁴⁸ Хорошхин М.П. Порядок отбывания воинской повинности казаками // Военный сборник. 1873. № 3. С. 141. См. также: Хорошхин М.П. Казачьи войска... С. 247–248.

годовой заработок казака в 50 р., — говорилось в статье, — то за 5 лет службы, которые казак должен отбыть в один или в два срока, он теряет 250 р.; кроме того, сбор на службу, поддержание в исправности: оружия, снаряжения, одежды потребует около 100 р.; итого затрат на 100 р., да убытков на 250 рублей... Здесь не берутся во внимание те убытки, которые неизбежны, когда человек не уверен в своём, быть может, даже ближайшем будущем. Возьмём теперь положение “неслужилого казака”. Он уже с 19-ти лет знает, что его не потребуют на службу, разве только по особому повелению верховной власти. Затем он платит ежегодно: в Оренбургском войске 4 р., в Сибирском 10 р., в прочих войсках 15 рублей. Эту плату вносят в Оренбургском войске по смерти, а в прочих войсках — в течение 22 лет. Принимая, что средняя продолжительность жизни для 19-тилетнего будет 39 лет, оказывается, что неслужильный казак заплатит всего: в Оренбургском войске 156 р., Сибирском — 220 руб., в прочих 330 руб., но эти суммы вносятся постепенно; если же неслужильный казак пожелал бы внести известную сумму, с тем чтобы проценты с неё равнялись годовой плате, то, рассчитывая по 6% годовых, таковая сумма для оренбургского казака равнялась бы 67 р., для сибирского — 167, для кубанского, терского и забайкальского — 250 рублей». Соответственно, «развитие благосостояния и гражданственности едва ли будет при этих условиях равномерным между всеми обывателями»⁴⁹. Неудивительно, что традиционное для казачества общеобязательное отбывание воинской повинности казалось более предпочтительным.

Между тем в начале 1870-х гг. в Военном министерстве признали необходимость увеличения кавалерийских частей для достижения паритета с европейскими армиями. Пополнить ряды кавалерии было решено за счёт привлечения к службе всего казачьего населения. К тому же введённая в России в 1874 г. всеобщая воинская повинность «не давала поводов к изъятию в этом отношении для казаков, у которых искони общеобязательная воинская повинность составляла основание устройства каждого войска»⁵⁰. Так или иначе, возвращение к принципу поголовного несения службы завершило недолгий период в истории казачества, когда власть, исходя из своих собственных интересов, попыталась увидеть в казаках не только военную силу, но и обыкновенных граждан.

⁴⁹ *Хороших М.П.* Порядок отбывания... С. 142–143.

⁵⁰ Исторический очерк деятельности... Т. 5. СПб., 1880. С. 197.